

Луи Пэнто

ГОСУДАРСТВО И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ*

Предпринимается попытка рассмотреть интеллектуальные отношения между государством и социальными науками, абстрагируясь от других важных аспектов, таких, как экономические, политические или институциональные. Автор показывает, что государство активно участвует — и не только через заказы на исследования — в структурировании концептов, проблем, умонастроений и т. п. Все это происходит в соответствии с требованиями выполнения функций и требованиями легитимации: необходимо упорядочить, чтобы предвидеть, и предвидеть, чтобы действовать.

В отношении социальных наук это тем более верно, что они занимают наименее автономный полюс, где происходит, более или менее тонко, приведение к определенному виду проблематики Государства. Одни исследования в социальных науках выполняют скорее функцию классификации (демография, статистика); другие — прогнозирования (бюджеты, потребление, научные расчеты подобные так называемой «стоимости иммиграции»), а третьи — собственно функцию легитимации (исследования социальной мобильности, девиантного поведения).

Once choosen of considering the relationships between State and social sciences on the pure intellectual level (and not on economical, political and institutionnal levels), we may try to test the hypothesis that State contributes — not only through the supply — to structuring concepts, problems, minds, all that in conformity with its own constraints of fonctionning and legitimation: classifying in order to predict and predicting in order to decide.

In the field of social sciences, the less autonomous pole meets that state modes of questioning in a more or less subtle way. Following the hypothesis, it's possible to show how most of the productions in social sciences depend on some functions, among which emerge classifying, predicting and legitimization ones.

Я хотел бы ограничиться проблемой чисто интеллектуальных или смысловых отношений между государством и социальными науками. Другими словами, я ничего не скажу по поводу других, не менее важных, аспектов этих отношений: экономических, политических или институциональных. Я предлагаю рассмотреть идею, согласно которой государство

* ©Pinto L., 2001

способствует, и не только через порождаемый им спрос, структурированию концептов, проблем и представлений, возникающих в голове у исследователей, подчиняя их своим собственным целям и действиям.

Среди факторов, препятствующих истинному анализу этих отношений, можно упомянуть следующие:

— во-первых, традиционная академическая позиция, согласно которой научная мысль является независимой, нейтральной и т. п.

— технократическая позиция, которая заключается в следующем: поскольку социальные науки состоят на службе у государства, действующего во имя универсального принципа, то исходящий от него запрос может быть исключительно «нейтральным» (а не «идеологическим» и занимающим ту или иную позицию).

— радикальная (или «левацкая») позиция, согласно которой социальные науки являются в первую очередь инструментом контроля, действующим либо на благо господствующего класса, либо, в более широком смысле, на благо «власти» (см. М. Фуко), понимаемой как некий самоконтроль, осуществляемый повсюду, всеми и надо всеми. Достоинством этой позиции является то, что она заставляет обратить внимание на, казалось бы, безобидные «частные» аспекты, такие, как сексуальность, подчинение тела и т. п. «Биологическая власть» — концепт, придуманный М. Фуко — есть способ систематически обозначать эти подчинение и воспитание, совершаемые через познание. Недостатком этой позиции является риск прийти к размыванию понятия «власть» и лозунгам о «кодировании», влекущим за собой недоверие к разуму, обвиняемому в том, что он является скорее инструментом «деспотизма», чем гарантом знаний и свободы.

Несмотря на различия, у двух последних позиций — технократической и радикальной — общим моментом является их «инструментализм». И в том, и в другом случае познание рассматривается как средство работы некоего целого (государства или общества) над самим собой. Разница заключается только в положительном или отрицательном знаке, присвоенном такой зависимости. Позаимствуем у радикальной позиции идею, согласно которой знание должно расстаться с мыслью о своей «непорочности». Тем не менее, мы не можем согласиться с ней по одному важному пункту, считая, что нужно избегать общего, слишком легкого отказа от познания. Вместо этого следует проводить критический анализ инструментов мышления, который был бы по возможности конкретным, дифференцированным, а значит, историческим. Такую позицию можно назвать рефлексивной, поскольку она предполагает отказ от альтернативы между конформизмом и нигилистским отрицанием, используя ценные ресурсы социологии социологии.

Универсальность науки не может быть гарантирована ни исключительно статусом ученого, ни отказом от всякой претензии на универсальность. С методической точки зрения, объективировать различные взгляды на социальный мир — одна из самых главных задач объективного познания этого мира. Социальная действительность не является чем-то однородным; она дифференцирована, и в частности, в ней вычленяются социальные позиции, располагающие определенными ресурсами и имеющие различные объективированные интересы. В результате разнообразной деятельности тех, кого политологи именуют «представителями», на основе социальных позиций могут формироваться «социальные классы» [1, с. 53–97]. Именно состояние классовых отношений способствует определению постановки и содержания «социальных проблем», т. е. проблем, с которыми будут иметь дело социальные науки. В качестве примера достаточно вспомнить о «социальном вопросе» XIX в. или о том, что сегодня во Франции мы называем проблемами «социального исключения». Но в состоянии конфронтации находятся не только так или иначе определяемые социальные классы. Помимо них существуют также определенные пространства, или «поля» (политическое, юридическое, научное...), внутри которых действуют и сталкиваются между

собой профессионалы, специалисты, которые стремятся овладеть различного рода специфическими благами. Поле науки делится, в свою очередь, на субполя: социологическое, философское и т. д. Конкретный анализ предполагает установить зависимость между этими двумя пространствами, каждое из которых само по себе является сложным: между «обществом», с одной стороны, и профессиональными группами, способными оказывать по крайней мере символическое влияние на это «общество», с другой.

Короче говоря, необходимо проследить, чем научный дискурс обязан конфронтациям либо внешним (политическим), либо внутренним (между конкурирующими между собой специалистами), либо, как это чаще всего происходит, одновременно внутренним и внешним [2]. Ничего удивительного, что в результате обнаруживается существование «чистых» и «нечистых» научных концептов. Эти последние принимают разнообразные формы метафор, классификаций, иерархий, эволюционистских схем и т. п.

Иерархически организованные понятийные пары предрасположены к выражению конфликта между тем, что считается плохим, и тем, что считается хорошим. Например, в философии А. Бергсона целая серия таких пар (количество/качество, время/пространство...) своей единственной целью ставит выражение противопоставления между «свободной» личностью и индивидуумом массового пошиба — серийным, — являющимся одним из взаимозаменяемых представителей однородного «стада». Точно так же, «национальные» противопоставления зачастую отражают внутринациональные столкновения между интеллектуалами, которые находят наилучшее средство выражения в разделениях на «национальные» (и даже «интернациональные») категории. Так обстояло дело и с изобретением во Франции между 1925 и 1930-м гг. «немецкой философии». Изменился сам статус этой философии: из «механической», враждебной по отношению к личности и индивиду (соответствующей идее, что немцы знают только Великое Единое), она сделалась «конкретной» и «глубокой» по мере того, как обозначился разрыв с университетским рационализмом под эгидой Р. Декарта и О. Конта [3].

Пространство научных позиций как пространство борьбы

Социология интеллектуалов — как указывал Макс Вебер — своей составной частью имеет то, что Пьер Бурдьё предложил называть «полем власти». Невозможно охарактеризовать производителей интеллектуальных благ и сами эти блага, не рассматривая, каким образом характеристика этих производителей зависит от меняющихся с течением времени отношений, которые они поддерживают с другими «сферами», и в особенности, с религией и с политической властью. Поэтому отношения между государством и интеллектуалами как таковые не позволяют понять все характеристики продукции социальных наук.

На самом деле, причиной главной оппозиции является разница между двумя типами капитала, один из которых можно назвать временным или светским (политического и административного порядка), а другой — духовным (культурный, научный капитал). Анализируя «конфликт факультетов» в университете, в то время еще отмеченном своим средневековым происхождением, И. Кант различал факультеты так называемые светские или высшие — факультеты медицины, права, теологии, и «низший» факультет, факультет философии, предназначенный для чистой науки ради науки. Термин «поле» позволяет понять, что на самом деле речь идет о континууме между этими двумя полюсами. Кроме того, такая оппозиция может встретиться на каждом из полюсов. Другими словами, существуют интеллектуалы от государства, государственные мыслители, легитимность которых основана на политической и административной власти, чью проблематику они формулируют в научных терминах. И даже среди удаленных от светского полюса агентов

существуют обладатели институционального авторитета, чей собственно интеллектуальный авторитет может быть достаточно слабым [4]. Внутри любого научного института мы встречаем все то же разделение на светское и духовное в виде оппозиции или разделения труда между индивидами, располагающими прежде всего научным авторитетом, и обладателями институционального капитала административного и организационного типа, которые либо посвящают свое время выполнению управленческих функций «на благо исследований», либо занимаются чистой институциональной репродукцией (участие в диссертационных советах, аттестационных комиссиях, методических комитетах, жюри конкурсов и т. п.) [5, с. 49–95].

В университетском поле встречается главная оппозиция, аналогичная той, которая структурирует то, что Пьер Бурдьё называет полем власти. Анализ высших школ позволяет констатировать, что институты, основанные на принципе интеллектуального отличия (Высшая Нормальная Школа (*ENS*)^{*} и, в меньшей степени, Политехническая школа (*EP*), отличаются от институтов власти (Высшей Коммерческой Школы (*HEC*), Национальной школы администрации (*ENA*)) по целому ряду существенных показателей: социальное происхождение студентов, их будущая карьера, тип получаемого образования. Данные отличия могут быть сведены к оппозиции интеллектуальное/буржуазное. В чем причина такой поляризации? Решающим фактором стал постоянно возрастающий спрос на образование, получаемое в высших школах, со стороны социальных слоев, располагающих значительным экономическим капиталом. Одним из последствий этого стал тот факт, что интеллектуалы были вынуждены конкурировать как в гонке за дипломами, званиями и отличиями, так и собственно в производстве интеллектуальной продукции, с агентами, приносящими новое определение школьной компетенции и интеллектуальной квалификации, коими среди прочих являются светские эссеисты, ныне обладающие своего рода академической легитимностью, и эксперты с интеллектуальными претензиями [6].

Подтверждение этой объяснительной модели можно найти в различных исторических работах, в частности, в тех, где изучается зарождение в эпоху Средневековья категорий специалистов в ученых дискуссиях. Развитие государства шло параллельно с возникновением профессионалов от государственной мысли, составляющих конкуренцию двору. Несмотря на чреватые конфликтами внутренние противоречия между государственными экспертами и чистыми теоретиками, юристы на службе у князя и университетские философы имели нечто общее. И те, и другие прибегали к безличному, независимому от личности короля или королевского дома, знанию, основанному на более или менее универсальных принципах закона, власти и суверенитета. И те, и другие вынуждены были считаться с присутствием потенциальных соперников: астрологов, обладателей эзотерического знания, и гуманистов, отличающихся формальной изысканностью и энциклопедизмом [7].

Сводить интеллектуальные позиции к исключительной зависимости от внешних условий так же ошибочно, как и считать их абсолютно независимыми. Определив пространство интеллектуальных позиций, мы должны постараться принимать во внимание, с одной стороны, то обстоятельство, что интеллектуальная автономия меняется в зависимости от занимаемой позиции, и с другой, необходимость для агентов использовать в борьбе лишь собственно интеллектуальные ресурсы. Попросту говоря, речь идет о необходимости изучать внутринаучные конфликты одновременно, исходя из их собственной логики, и в отношениях, связывающих их с конфликтами политического, идеологического и других полей.

^{*} *Ecole Normale Supérieure* — престижное высшее учебное заведение. В отличие от университетов, для поступления в Высшие школы необходимо пройти конкурсный отбор, поэтому дипломы Высших школ считаются более престижными, чем университетские. — *Прим. перев.*

Изучение проблематики измерения «умственных способностей» позволяет увидеть ее двойную ставку. В контексте появления массового образования после введения обязательного школьного образования во Франции в XIX в., педагогам приходилось иметь дело с индивидами, не поддающимися школьному обучению. Главной задачей тестов умственных способностей, разработанных А. Бине, было определение ненормальных (идиотов и дебилов) с помощью особого инструмента измерения: шкалы умственных способностей, в принципе применимой ко всем. Получилось так, что А. Бине занял позицию, противопоставлявшую его другим специалистам — психиатрам, утверждавшим, что существует коренное различие между нормальными и ненормальными, и требовавшим монополии на изучение случаев, считающихся патологическими, — поскольку он определял индивидов, имеющих проблемы при обучении, исходя не из патологических характеристик, а из недостатков познавательного плана [8]. На самом деле, А. Бине, который не являлся ни врачом, ни философом, а, кроме того, был провинциалом довольно скромного происхождения, имел собственный научный интерес. Для него важно было занять оригинальную теоретическую позицию одновременно в противовес психиатрии, где ведущую позицию занимали врачи, и экспериментальной психологии, где доминировали философы. Это он и сделал, посвятив себя области патологии высших мозговых функций, которую ни одна из этих групп не могла занять из-за недостатка необходимых ресурсов. В этой перспективе союз с педагогами имел решающее значение.

Одной из движущих сил и ставок часто является борьба вокруг противоположных определений науки (автономная/гетерономная). С этой точки зрения мы могли бы проанализировать одну из научных революций, например, ту, что принесла с собой социология Э. Дюркгейма. Отличительной особенностью новой науки стало стремление доказать, что ее дискурс о социальном мире автономен по отношению к политической власти, праву и философии [9]. Впрочем, именно политическая власть, отличающаяся «позитивистской» и светской идеологией прогресса, при достаточно исключительных условиях способствовала подъему этой дисциплины, от которой она ожидала получить пользу самого разного толка, начиная с разработки республиканской морали, которая выступила бы в качестве альтернативы метафизике религиозного плана. Однако социологи не могли довольствоваться отведенной им ролью идеологов нового режима. Они должны были приложить все усилия для изобретения нового интеллектуального пути, легитимность которого была бы основана на научности. Подобная ориентация усиливала требования, которые социологи предъявляли сами себе. Например, в 1900-х годах было предпочтительно посвятить себя благородным объектам исследования, неактуальным, не представляющим практического интереса и по возможности далеким от практической деятельности реформаторов и филантропов. Акцент на методологические усилия выражался через критику «предпонятий» здравого смысла, через тщательную разработку предварительных определений, а также через систематические публикации критических отзывов в журнале «Социологический ежегодник» («*Année sociologique*») — своеобразный способ создать впечатление существования интенсивной научной деятельности.

Другим примером интеллектуальной (контр)революции может послужить подъем неолиберальной экономики, который был изучен сквозь призму истории появления на свет группы «*Washington consensus*» [10]. В течение долгого времени экономисты либерального направления оставались на периферийных позициях при господстве ортодоксии Дж.М. Кейнса. По многим признакам они относились к категории доминируемых: скорее низкого социального происхождения, часто недавно иммигрировавшие в США и обладающие компетенцией преимущественно технического плана; они «разбирались в математике», работали в основном в Чикаго, вдали от наиболее престижных университетов. Удаление от политической власти позволяло им, выдавая нужду за добродетель, ратовать за

чистоту науки, видимость которой усиливалась благодаря технической сложности. Компетенция в области математического моделирования изначально была инструментом в борьбе против университетского истеблишмента, а впоследствии,— против политической элиты Восточного побережья, которая опиралась на совершенно другие способы легитимации в экономической науке. Эти маргинальные экономисты были на свой лад подрывными агентами политико-интеллектуального порядка. Придуманная ими схоластическая утопия, неолиберализм, встретила благоприятные условия для реализации, когда появились политические деятели, готовые принять ее всерьез. Союз с политическими консерваторами, заключенный в конце семидесятых годов, позволил этим экономистам выйти из изоляции и открыл перед ними новые перспективы в общественном пространстве. Они предоставили в распоряжение политиков экономическую идеологию, способную соперничать с господствовавшими в послевоенную эпоху идеями, получив взамен доступ на политическую арену и к средствам массовой информации. В 80-х годах массовая пропаганда неустанно содействовала созданию видимости очевидности новой ортодоксии. Таким образом, неолиберализм отправился на завоевание различных институтов, в особенности МВФ, а затем Всемирного банка, где его влияние, отмеченное маркой экспертных знаний, стало решающим.

Как мы видим, отношения между «научным» продуктом и политическими, экономическими или административными действиями складываются далеко не просто. Экономисты имеют тенденцию переоценивать неотъемлемые достоинства своих теорий, даже если они просто-напросто выполняют функцию легитимации физической и символической агрессии государства.

Государственные умы и государственные науки

Одним из наиболее эффективных и непосредственных механизмов продукции государственной проблематики во Франции является механизм «конкурсных вакансий», предлагаемых министерствами и государственными администрациями. Благодаря государственному финансированию научных исследований структурируется рынок, чьи основные полюса соответствуют министерским разделениям: здравоохранение, труд, семья, преступность и правонарушения, социальная работа, образование, урбанизм и проблемы города...

Чтобы избежать представления о государственном аппарате как о мозге с определенными целями и намерениями, необходимо вспомнить, что речь идет о структурированном бюрократическом пространстве со своими оппозициями, конфликтами и т. п. Не исключено, что отдельные сектора благоприятствуют мышлению, относительно независимому по отношению к требованиям непосредственного действия. Тем не менее, знания, ожидаемые от социальных наук, так или иначе имеют отношение к основным функциям государства. Государственная мысль производит умы, структурированные государством: государственные умы, которые в свою очередь способствуют существованию этой мысли [11, с. 127–166]*: необходимо классифицировать для того, чтобы предвидеть, и предвидеть для того, чтобы действовать. Особое внимание уделяется общей ситуации и появлению нового, что позволяет понять успех таких специальностей, как «изучение общественного мнения» и «маркетинговые исследования», которые позволяют рассматривать и явления мелкого масштаба, и «глубинную» эволюцию. Короче говоря, основными функциями социальных наук являются функции классификации, предвидения и, наконец, легитимации.

* Отдельный номер «Actes de la recherche en sciences sociales» (№ 133 за 2000 г.) был посвящен теме «Государственная наука».

Работа по классификации, преследующей одновременно познавательные и практические цели, позволяет тем, кто принимает решения, быть информированным о состоянии населения, с которым они должны считаться и на которое будет направлено их действие. Небесполезно узнать, что вначале «статистика» была частично дескриптивной: речь шла всего-навсего о создании сводок разнообразных ресурсов страны (в людях и благах). Классификация, учет, инвентаризация позволяют узнать, а значит, контролировать и, впоследствии, «рационально» действовать. В XVIII веке практически повсюду в Европе был заключен такой союз между государством и учеными.

Одним из традиционных инструментов классификации является демографическая «наука»: население, рассматриваемое как природная реальность, естественная величина, которая увеличивается, уменьшается, возобновляется или нет, делится в зависимости от критериев, считающихся нейтральными, от переменных, казалось бы, исполненных здравого смысла: возрастные категории, уровень рождаемости, плодовитости, смертности, разнообразные «потоки»... «Наука о населении» занимает позицию, считающуюся свободной от любых «идеологических» притязаний. Точность — вот ее идеал, а все остальное — «социология».

Социология социальной стратификации имеет дело с профессиями, которые прежде всего — мы не должны забывать об этом — являются продуктом государственной классификации, а стало быть, выражением в основном классификационной логики, отличной от той, что управляет построением научного объекта. То, что можно сказать о профессиях, можно сказать и о «социальных классах». Конечно, это последнее понятие превосходит эмпирический уровень заранее конструированных единиц, какими являются профессии, но на самом деле вовсе не обязательно, что освободиться от примата классификационной логики и поиска таксономических единиц — легко. Среди многочисленных примеров можно упомянуть дедуктивный стиль, свойственный Э.О. Райту, относящему себя к марксистской традиции. Замечательно, что его теоретическая эволюция выразилась в переходе от трех к шести, и, в конце концов, к двенадцати «основным классам» [12; 13]. Существует большой риск перехода от концептуальной абстракции к эмпирическим «поделкам», служащим для объединения или разделения разных видов профессиональной деятельности. Эти объединения или разделения осуществлялись бы каждый раз по-разному в зависимости от различных принципов организации, технологии, типов руководства, условий труда... Критическая теория классов не старается занять ту или иную позицию по отношению к социальной действительности, числу классов и найти единственную «правильную» классификацию. Она пытается понять, какое теоретическое и эмпирическое использование может получить концепт класса, и каким образом можно проверить соответствие конкретных анализов общим теоретическим предпосылкам, следовать которым считается необходимым. Из-за невозможности решить эти проблемы, речи о «социальной структуре» не могут не разочаровывать. Но они выполняют собственную социальную функцию, в том числе и внутри профессии социологов: распределяя население в зависимости от нескольких критериев, они позволяют получить глобальную картину, претендующую на полноту и систематичность, которая должна отражать основные значимые изменения (см. роль «обслуживающего класса» у Джона Голдторпа [14]). Такая картина обладает всеми признаками «высокой» теории, недостатком же ее является незнание «эффекта теории», т. е. отсутствие рефлексии о том, что значит классифицировать, а также о том, какой эффект оказывают научные построения на социальную действительность. Теоретику, занятому теоретическими конструкциями, было бы неплохо спросить себя, чем отличается то, что он делает, от деятельности агентов, объявляющих, например, о «конце» социальных классов или о появлении «среднего слоя». Речь не идет о том, чтобы впасть в релятивизм, для которого все рассуждения стоят друг друга, но о том, чтобы избавиться от навязчивой идеи объективизма и поиска единственно верных критериев классификации. Следует обратить внимание на способ построения

социальных групп в социальном пространстве, понимаемом как пространство борьбы за обладание различными формами капитала и за определение групп и их границ [15, с. 181–207].

Цель некоторых классификаций — определить, изолируя их, «проблемные» группы населения, которые создают проблемы социального и символического порядка и с которыми нужно что-то делать, определить последовательность действий, «политику». Как известно, издавна специалисты старались понять, что собой представляет категория «бедных» и, в частности, безработных, различая тех, кто еще может вернуться к трудовой деятельности, и тех, кто уже полностью потерян для «общества». Точно так же обстоит дело с «иммигрантами» и, в особенности, с «исключенными», которые полагаются вне «общества», будучи жертвами «современности», «прогресса». Большая часть этой проблематики основана на поиске разграничений, предшествующих действию: что делать с теми, кто еще «может интегрироваться», а что — с теми, кто уже полностью «потерян для общества»? Как будут соотноситься доля поощрений и репрессий, отведенных одним и другим? Прежде чем социологи обратят внимание на эти группы, многочисленные выступления выразят свою точку зрения по этому вопросу: журналистские статьи, отчеты технократов, призывы благотворительных организаций, гневные выступления политиков и т. д.

Пример «национальности»* также является показательным. Будучи по определению продуктом деятельности государства, эта классификация кажется очевидной и недвусмысленной. Однако мы забываем, что назвать — значит занять позицию, принять стратегию, которая состоит в определении границ с «другими». Национальность (русский, француз...) приписывается тому, у кого есть «гражданство», выходцу из данной страны, тому, кто в ней родился или тому, чьи родители являются гражданами этой страны. Существуют случаи «двойного гражданства». Способы доступа к гражданству различны в зависимости от законодательства той или иной страны. Но право не является единственной составляющей. Нация — это результат одновременно культурного и политического конструирования, которое определяет категории мышления и действия: гражданин принадлежит «большой» или «малой» стране, чья позиция меняется в зависимости от области сравнения и соревнования (музыка, философия, информатика, мода...). Наконец, национальная принадлежность имеет для индивида различное значение в зависимости от ситуации: в администрации, где он должен добиться признания своих прав, при общении с друзьями-иностранцами, при приеме иностранной делегации и т. д. Рискованно использовать национальность в качестве «переменной» в международных анкетах с претензией на сравнительность. Заставляя отвечать на одинаковые вопросы при опросах общественного мнения граждан различных стран, как это все чаще делается в случае «европейцев» («Французы придают большее значение браку и армии, чем бельгийцы»), социологи получают ответы, автором которых вроде бы выступает «национальное» общественное мнение. Однако сравнения имеют какое-либо значение лишь в том случае, если в распоряжении имеются средства, позволяющие пролить свет на значение переменных. Тем, кто манипулирует стандартными переменными при проведении стандартизированных опросов, трудно себе представить, что эти переменные должны быть деконструированы.

* Трудности перевода этого абзаца доказывают, что классификация, о которой идет речь, на самом деле не такая «естественная», какой кажется. Французское слово *nationalité* одновременно обозначает и национальность, и гражданство. Можно изменить свою «национальность», изменив гражданство. Однако русское слово «гражданство» не является абсолютным синонимом французского *nationalité*, поэтому в зависимости от контекста оно переводится либо как «национальность» — слово, указывающее на культурную принадлежность, либо как «гражданство», имеющее коннотацию юридического и административного характера. Тому же, что в советском паспорте обозначалось как «национальность», во французском языке соответствует скорее слово *origine*, т. е. «происхождение». — Прим. перев.

Отнюдь не являясь некими неразложимыми атомами, они могут представлять собой «систему переменных», как это отметил П. Бурдьё [16, p. 113 sq.], говоря о переменной «класс». Правда и то, что манипуляторам хватает ловкости или лицемерия, чтобы заявлять, будто они всего лишь довольствуются сбором «данных», которые впоследствии должны будут проанализированы и интерпретированы другими специалистами.

Функция предвидения, ключевая для государства, способствует появлению разнообразных специальностей и специалистов, претендующих на способность предсказывать будущее развитие событий с помощью инструментов, самые формализованные из которых связаны с вычислениями, этой гарантией точности и строгости. Тенденции развития активного населения и возрастных категорий дали повод для появления катастрофических сценариев будущего систем пенсионного обеспечения: требовалось доказать, что «груз», выпадающий на долю активного населения, станет слишком тяжелым. Ставка в данном случае является политической, аппарат же доказательств — технический и формализованный.

Учет, местами двойной, может применяться по отношению к любой социальной проблеме: метод соблазнителен, но посылки часто бывают ошибочными. Оценка «стоимости иммиграции» [17] является примером распространения рационального расчета на новый объект, как если бы концепты стоимости и выгоды были недвусмысленны и редуцировались к деньгам. Иммигранты сводятся к статусу рабочей силы: государство рассуждает как хозяин предприятия, подсчитывающий прибыли и убытки. Самое ужасное то, что имплицитно допускается возможность производить подобные расчеты по отношению к этой категории населения, в то время как делать это по отношению к другим никому бы не пришло в голову. Хотя, в конце концов, почему бы и нет? А если бы подсчитали прибыль от банкиров, дипломатов, полицейских, парижан и т. д.?

Изучение потребления отвечает очевидным практическим интересам не только предприятий, но и администрации. Крупные рубрики при изучении семейных бюджетов (расходы на питание, на жилье) безусловно являются необходимыми, но они не способны отразить более тонкие различия и тенденции. Отсюда — искушение проводить отрывочный поиск объясняющих факторов позитивистского характера (возраст, пол...): очень несложные технически операции (сопоставление переменных, сегментация рынка...) могут привести к заключениям, согласно которым класс больше не является решающей переменной (то же самое говорили о выборных голосах). Вопрос о значении того или иного блага, о его месте в системе благ и в системе жизненных стилей таким образом отбрасывается. Несмотря на то, что постоянство жизненного стиля может сохраняться независимо от изменений, затронувших блага и социальные классификации, это постоянство может остаться незамеченным специалистами, занятыми прежде всего поиском «нового» (интернет, граффити, «неполные» семьи...) и объяснений этому «новому». В итоге это новое можно найти, особенно если не обременять себя сложным теоретическим аппаратом и прибегать к гипотезам *ad hoc* («новый» потребитель, «новые нужды...»). Эта логика позволяет понять причину столь частого упоминания чего-то похожего на «дух времени» в исследованиях потребления. Кроме того, подобного рода чисто вербальное объяснение имеет еще один недостаток: оно использует в качестве инструмента понимания полунаучные представления, которые сами нуждаются в объяснении... Несмотря на все это, именно такой демарш используют с большей или меньшей тонкостью многие исследователи. С помощью изучения благ, считающихся симптоматичными, они определяют глубинные тенденции, например, «индивидуализм»: с их точки зрения, семья все больше становится конфедерацией индивидуумов, а коллективная жизнь, связанная с традицией, отмирает, оставляя место ресторанам самообслуживания с их «деструктурированным» приемом пищи (в ресторанах *fast food* можно есть в любое время). Социологи «духа времени» (Ж. Бодрийяр, Ж. Липовецки — упомянем только самых известных) четко обозначили свою позицию на

социологическом поле, выступив с более или менее открытой критикой в адрес «старой» социологии, до сих пор способной придерживаться концептов другой эпохи («классы», «группы»...). Их категории мышления близки категориям мышления специалистов из отделов маркетинга или рекламы. Их «потребитель» не имеет ничего общего с конкретным агентом, которым занимается научная социология. Он является частицей, лишенной памяти и находящейся во власти сил, столь же необоримых, сколь кратковременных, частицей, полностью предназначенной для того, чтобы выбирать или, скорее, чтобы выбирать себя самого, колеблясь между «аффективным» и «рациональным», «риском» и «безопасностью», «пользой» и «удовольствием», «комфортом» и «презентабельностью», «технологией» и «эстетичностью»... но в любом случае его основной характеристикой является полный разрыв с прошлыми привычками. Социальная, если не интеллектуальная, сила всех этих мыслителей, семиологов и герменевтов обычной жизни связана с тем, что видимость на их стороне: поверхностная оценка современных тенденций, уже прокомментированных журналистами иллюстрированных журналов, постоянно стимулирует у них предложение интерпретативных ключей и даже предсказаний будущего.

Поговорим теперь о функции легитимации

Легитимность того или иного государства основана на его предполагаемом успехе, оцениваемом исходя из ряда критериев, которые, впрочем, могут изменяться с течением времени: служение вере, защита нации, материальное благополучие, социальная справедливость, общественный порядок... Обращение к демократическим идеалам часто сопровождалось идеей, согласно которой граждане должны обладать шансами на успех и не быть обреченными следовать фатальности социальной судьбы в том, что касается их учебы, профессиональной жизни, выбора супруга или супруги, посещения музеев, собственности на жилье, обладания акциями... Если понятие социальной мобильности представляется как «техническое» воплощение принципов философского порядка, то это потому, что социальная подвижность выступает как наилучшая гарантия справедливости. Специалисты находят в этом свою выгоду и соперничают в виртуозности при изобретении новых инструментов (показателей). Однако мало того, что эта меритократическая проблематика больше подходит для индивидов, чем для групп, и что ее измерение связано с большими трудностями. Она применима лишь к одной из форм мобильности, различаемых специалистами: к чистой мобильности. В отличие от так называемой структурной мобильности, всего-навсего отражающей изменения в системе профессиональных категорий, затрагивающие края таблиц (уменьшение числа работников сельского хозяйства, увеличение числа служащих...), чистая мобильность, которая по идее есть результат индивидуальных усилий (а не макросоциальных изменений), с политической точки зрения не может не разочаровывать, поскольку восходящее движение, привлекающее всеобщее внимание, компенсируется нисходящим. Эти движения, как правило, компенсируют друг друга за время двух определенных периодов, если предположить, что речь идет о группах с одинаковой численностью. Такова ирония проблематики, преследуемой навязчивой идеей измерения [18; 19]. Социальная мобильность — концепт простой и оптимистический (что-то все же меняется) и этим отличающийся от концепта «социальное воспроизводство», одновременно сложного и обладающего пессимистическими коннотациями (ничего не меняется, а если и меняется, то неглубоко).

Другим примером попытки доказать (или опровергнуть) идею здорового состояния общества является статистика преступности. Все мы знаем, насколько политические деятели и средства массовой информации любят демонстрировать данные, доказывающие благоприятное или неблагоприятное развитие в этой области, поскольку цифры обладают особой ценностью в силу своего точного, очевидного и неопровержимого характера. Гораздо реже случается, что они задают себе вопросы по поводу аспектов, хорошо известных хоть

сколько-нибудь честным специалистам: построение категорий, кодирование информации, стратегии администрации, полиции, суда, средств массовой информации и т. д. Потому что их цель — скорее продать безопасность, чем тратить свое время на анализ, неизбежно сложный и политически рискованный.

Государство — это не аппарат

Социологическое размышление состоит в том, чтобы задать себе вопрос о зависимости интеллектуальных инструментов от административного полюса власти. Отношения между государственным спросом и научной работой складываются далеко не просто и однозначно. Существует целый ряд посредников. Мы уже говорили об этом. Но помимо этого существует опасность представлять себе государство как монолитный аппарат, обладающий определенными целями.

На самом деле, чаще всего социологам приходится не вступать в конфронтацию с «холодным монстром», но вести переговоры с партнерами, более или менее расположенными к сотрудничеству, понимающими суть вопроса, обладающими интеллектуальными интересами, изменчивыми, подверженными давлению разнообразных, не сводимых к запросам министерских кабинетов, сил. Складываются сети союзов, в администрации обнаруживаются недостающие звенья: существует административное поле, чьи разнообразные сектора не обязательно имеют одни и те же интересы. Таким образом, административный спрос на интеллектуальную продукцию может оказаться более восприимчивым, чем кажется, к внешним интеллектуальным дискурсам. И это не всегда хорошо сказывается на исследованиях. Прислушавшись к совету некоторых специалистов, администрация может решить, что определенные исследования, посвященные неравенству в области образования, устарели в эпоху «массового образования», давшую жизнь новым «ставкам», достойным изучения, под которое и выделяется государственное финансирование. Именно таким образом обстояло дело со всеми «локальными» задачами (т. е. относящимися к конкретному решению проблем дисциплины, преподавания), касающимися отношений между социальными категориями в учебных заведениях, принимающих учеников разного происхождения. Речь идет о создании своеобразного пространства проблем, располагающего собственными очевидностями и заклинаниями («локальный», «дебаты», «переговоры»...), которые исследователи должны усвоить. В то же время другие темы, такие, как «классы», «неравенство», «система», «социальные механизмы» [20] и др., не удостоиваются внимания.

Политико-административное и журналистское поля поддерживают разнообразные и зачастую довольно тесные отношения. Политическим деятелям постоянно приходится встречаться в разного рода местах (в политических клубах, на *think tanks* политических партий, «комитетах мудрецов» и экспертных комиссиях, организованных государственной администрацией, на «коллоквиумах», «дебатах» большой прессы и т. п.) с теми, кого они принимают за «интеллектуалов», т. е. на самом деле с индивидами, отобранными в основном в зависимости от степени их знакомства с государственной проблематикой. Поэтому включить в ряды производителей интеллектуальной доксы, влияющей на появление и формулирование запросов, адресованных исследователям социальных наук, авторов с «философскими» претензиями никому не кажется абсурдным. Эти личности, вдохновленные спадом прогрессистских идеологий 1960-х годов, пытаются изменить расклад сил в пользу философии «субъекта» и «индивидуальности», способной положить конец «империализму» социологии. «Постмодернистская» реальность должна стать апофеозом личности, индивидуальности, «различности». Безусловно, необходимо различать две формы индивидуализма. Одна, «хорошая», имеет отношение к субъекту, к этике, к концу «идеологий» и «великих рассказов», говоря словами мыслителя постмодерна Жана-Франсуа Лиотара [21]. Другая, «плохая», отражает скрытые лакуны демократии и рынка, на

понимание которых претендует идея о кризисе «социального единства». В последнем случае доказывается, что не социальные структуры являются тому причиной, но межличностные отношения, отношения между субъектами, понимаемые как истинное основание социального мира. Поэтому в ситуациях патологического индивидуализма политическое действие должно быть направлено на сопротивление силам исключения и маргинализации и поощрение «интеграции», «включения», возрождения индивида в рамках сети принадлежностей и взаимного признания [22, с. 32–38].

Необходимо напомнить, что точно так же, как государство не является закрытым аппаратом, распространение идей на национальном уровне в рамках политико-административного поля не может быть полностью отделено от международного движения идей. Движения с очень серьезными ставками, как об этом свидетельствует официальная (культурные центры, стипендии...) и официозная (ЦРУ) государственная политика, а также деятельность частных фондов (Форда, Рокфеллера и др.) и университетов в области культуры, образования, языка, технологий, не просто существуют. Они зависят от расклада символических сил между странами. Самым эффективным господством является скрытое господство, которому удалось принять вид естественной всеобщности. В противовес агрессивному партикуляризму доминируемых, жадных до «аутентичности», доминирующие располагают средствами заставить признать универсальными, подходящими для всего человечества символические продукты, чье происхождение связано с определенной (уникальной) историей. Другими словами, необходимо уметь различать за универсализацией отдельных концептов и дискурсов, представленных в качестве достаточного залога всеобщей ценности, эффекты высшей — мирной и рациональной — формы империализма. Кажущиеся очевидными противопоставления, например, между «модернизмом» и «постмодернизмом», «либеральными ценностями» и «общим благом» обязаны своим международным успехом целому ряду агентов. Среди них можно встретить американских мыслителей, которые, размышляя о своем собственном обществе, естественным образом верят, что они мыслят за всех. Это происходит тем более естественно, что ученые всего мира используют их язык, отныне признаваемый в качестве всеобщего и необходимого средства коммуникации, следят за их дебатами, опубликованными в престижных изданиях, слушают их лекции и коллоквиумы. В тех же рядах находятся интеллектуалы, заимствующие их идеи в надежде получить доступ на международную арену и оставляющие конкурентам арену, размеры которой кажутся им слишком узкими. В результате самых добрых (но не всегда) намерений американская проблематика помещается в другие контексты: начинается поиск «*underclass*», проблемы расизма рассматриваются в свете модели черных гетто больших американских городов, «поликультурные» решения и «*affirmative action*» будут считаться единственно правильной и даже неизбежной альтернативой интегративным решениям на старый лад (понятно, что попытка навязать интегративную модель всем остальным была бы фатальной ошибкой). Некоторые частные фонды благоприятствуют проведению исследований на эти сюжеты, что в свою очередь способствует универсализации формулировок проблем и идей [23].

Государственная социология, которая не обязательно относится к государственному сектору образования и научных исследований, но также процветает в частных институтах более или менее коммерческого направления (было бы неплохо изучить во Франции развитие одной из таких все более и более «частных» организаций: Центра документации и исследований потребления), является всего-навсего той, что наилучшим образом соответствует государственным функциям классификации, предвидения и легитимации. Отличительной особенностью этой социологии является ее невнимание к причинам тех или иных проблем, к используемым терминам, к построению переменных и категорий... Необходимо добавить, что ее отличает именно то, что она не видит, не может увидеть по

причине ограниченности ее области зрения, границы которой располагаются в «головах» (говоря словами К. Маркса).

Интеллектуалы, предрасположенные думать с помощью государства и для государства, изучают объекты, заранее сконструированные государственным здравым смыслом. Однако не стоит отчаиваться из-за ограниченной самостоятельности, которой располагают социальные науки. Надо быть бдительными и находить средства, позволяющие понять разного рода принуждения, действующие на эти науки.

Перевод с французского Т.В. Анисимовой

Литература

1. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» / Пер. Н.А. Шматко // Бурдьё П. Социология политики: Пер. с франц. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.
2. Bourdieu P. Le Champ scientifique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1976. № 2–3. См. русский перевод: S/L'2002. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002.
3. Pinto L. Les Neveux de Zarathoustra. La réception de Nietzsche en France. Paris: Йд. du Seuil, 1995.
4. Bourdieu P. Homo Academicus. Paris: Йд. de Minuit, 1984.
5. Бурдьё П. Клиническая социология поля науки / Пер. с франц. Ю.В. Марковой // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.
6. Bourdieu P. La Noblesse d'Etat. Paris: Йд. de Minuit, 1989.
7. Anheim E. Culture de cour et science de l'Etat dans l'Occident du XIV siècle // Actes de la recherche en sciences sociales. 2000. № 133.
8. Pinell P. L'invention de l'échelle métrique de l'intelligence // Actes de la recherche en sciences sociales. 1995. № 108.
9. Karady V. Stratégies de réussite et mode de faire-valoir de la sociologie chez les durkheimiens // Revue française de sociologie. 1979. № 1. (См. перевод в настоящем издании.)
10. Dezalay Y. Le «Washington consensus». Contribution à une sociologie de l'hégémonie du néolibéralisme // Actes de la recherche en sciences sociales. 1998. № 121–122.
11. Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / Пер. с франц. Н.А. Шматко // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999.
12. Wright E.O. Classes. London: Verso, 1985.
13. Wright E.O. Interrogating inequality: essays on class analysis, socialism and Marxism. London: Verso, 1994.
14. Order and conflict in contemporary capitalism / Ed. by J.H. Goldthorp. Oxford: Clarendon Press, 1984.
15. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. Choses dites / Пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.
16. Bourdieu P. La Distinction. Critique sociale du jugement. Paris: Йд. de Minuit, 1979.

17. Sayad A. «Coûts» et «profits» de l'immigration. Les pré-supposés politiques d'un débat économique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1986. № 61.
18. Merlii D. Les enquêtes de mobilité sociale. Paris: P.U.F., 1994.
19. Merlii D., Puyvot J. La mobilité sociale. Paris: Id. La Découverte, 1991.
20. Casouault M., Нугард F. Sociologie de l'éducation. Paris: Id. La Découverte, 1995.
21. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
22. Пэнто Л. Докса интеллектуала / Пер. с франц. Е.Д. Вознесенской // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Socio-Logos, 1996.
23. Bourdieu P., Wacquant L. Sur les ruses de la raison impérialiste // Actes de la recherche en sciences sociales. 1998. № 121–122.